

БАШЛЯР: РАЗРЫВ В НЕПРЕРЫВНОСТИ*

Ж.-Л. ГОТЕРО

Кто стоит на месте, тот идет назад.

Шарль д'Аврэ, 1912

При определенном прочтении работ Башляра их автор может предстать в качестве догматического эпистемолога, вдохновителя философии науки, в особенности, догматической. Подобное прочтение не будет абсолютно неверным, поскольку оно базируется на принципиальных положениях, которые действительно представлены в его творчестве. Но оно слишком упрощенное и не отдает должного богатству его идей, скорее критических, чем догматических. В данной статье я намереваюсь представить одновременно и догматическое, и критическое прочтение Башляра. В большей степени я остановлюсь на втором, на мой взгляд, более верном и намного более интересном, и сравню его с концепциями русского мыслителя XX столетия Евгения Замятина, более известного своим участием в артистически-литературных движениях, чем своим вкладом в эпистемологию, о котором Троцкий¹ несправедливо отзывался с пренебрежением.

Таким образом, речь пойдет не только о Башляре. И первым я также процитирую не его, а автора, на котором, как мне представляется, лежит основная ответственность за догматическое прочтение Башляра во Франции: «Именно потому, что теория Маркса была “верна”, она могла быть успешно применена, а не потому она верна, что была успешно применена». Разумеется, хотя в этой цитате речь идет о Марксе, автор «Капитала» не является моей целью: озабоченный взаимным обогащением теории и практики, которое становится возможным в результате их противостояния, он сам никогда не писал подобного (и умер слишком рано, чтобы прочитать Башляра). Меня интересует автор данной формулировки, а именно, Альтюссер, точнее (поскольку в его взглядах можно четко различить несколько периодов), Альтюссер времен книги «Читать “Капитал”»². Нужно ли приводить доказательства его догматизма? Он весьма недвусмысленно утверждает, что теория черпает свою легитимность не из конфронтации с реальностью, а из самой себя; короче говоря, если представить его идею в немного карикатурном виде³, теория верна, потому что она верна. Стало быть, она с успехом применяется. Где и когда, можно было бы спросить. Но для Альтюссера это означало бы расписаться в недостойном прагматизме и эмпиризме. Теория успешно применяется везде и всегда, так как

* *J.-L. Gautero. Bachelard, la rupture en permanence.*

она верна. Кто не придерживается этого убеждения, не может видеть, не в состоянии посмотреть глазами теории и остается привязанным к иллюзиям здравого смысла. Какая связь, можно спросить, между этим марксистским или псевдомарксистским догматизмом и догматическим видением науки? Такая, что для Альтюссера эта самодовлеющая истинность марксистской теории выводится из ее научности: «Мы можем сказать то же самое и о результатах всякой науки: по крайней мере, о самых развитых, и в тех областях знания, которые эти науки освоили достаточно хорошо, они сами предоставляют критерий валидности своего знания»⁴. Она верна, потому что верна, таков для Альтюссера удел всякой научной теории.

Следует отметить, что этот научный догматизм Альтюссер почерпнул не у Башляра. Однако он вполне естественно коррелирует с идущей от Башляра другой идеей: идеей «эпистемологического разрыва», который полагает начало всякой науке»⁵. Действительно, Башляр пишет: «В ходе прогресса научного духа всегда проявляется разрыв между научным познанием и обыденным сознанием»⁶. И эта идея разрыва, дисконтинуальности для него не является случайной, это центральная идея, как и для Альтюссера: «В ходе наших исследований мы все в большей степени убеждались, что современный научный дух нельзя поставить в один ряд со здравым смыслом»⁷. Разумеется, можно было бы рассматривать этот разрыв как простой скачок, но для Башляра он — нечто большее, поскольку он выражается через истинную оппозицию: «Опыт, который не исправляет никакую ошибку, который заурядно истинен, без обсуждений, что он дает? В этом случае *научный* опыт — это опыт, который *противоречит обыденному* опыту»⁸. Как известно, Башляр создает эту оппозицию не ради пужадистской** защиты здравого смысла, который он противопоставляет чрезмерному интеллектуализму науки. Научный опыт (и первая фраза предыдущей цитаты говорит об этом достаточно хорошо) имеет основания противоречить обыденному опыту, который обуславливается мнением: «В своем стремлении к завершению, как и в своих основах, наука абсолютно противостоит мнению. Если ей случается по какому-то частному вопросу легитимировать мнение, то это происходит по другим основаниям, нежели те, которые обосновывают мнение; мнение законное всегда неправо. Мнение *мыслит* плохо, оно не *мыслит* вообще»⁹. Эту позицию можно рассматривать как позицию сочувствия в той мере, в какой она отвечает антинаучному дискурсу, для которого именно наука не мыслит. Но не отвечает ли она презрением на презрение? Не легитимирует ли она догматизм Альтюссера? Она фактически заявляет, что нужно порвать с наивным или идеологическим способом мышления, чтобы признать истинность науки, чтобы признать, что теория успешно приложима там, где наивное или идеологическое переживают только поражения¹⁰.

** Пужадизм — популистское движение во Франции (прим. перев.).

Догматическое высокомерие, которое проявляет Альтюссер в отношении тех, кто не владеет в совершенстве марксистской наукой, так же можно найти и у Башляра в отношении авторов прошлого, которых он считает не иначе как псевдонаучными: «Те, у кого хватит терпения читать длинные и многочисленные труды Ламарка по физике, рискуют столкнуться с тем фактом, что обыкновенное наблюдение возводится им в ранг научного эксперимента. Но читатель быстро ощутит наивный характер такого конкретного реализма»¹¹. Вдобавок высокомерие здесь окрашивается женоненавистничеством: «Достаточно прочесть письма мадам дю Шатле, чтобы найти тысячу поводов посмеяться над ее претензиями на математическую образованность. Она манерно задает Мопертюи вопросы, на которые в наше время юный ученик четвертого класса находит ответы без труда. Эти жеманные математические экзерсисы приводят к прямо противоположному результату, нежели к здоровому формированию науки»¹². На этом я закончу с цитатами, не потому что двух примеров достаточно, а потому, что слишком долго воспроизводить все, что пишет Башляр об этих авторах: в «Формировании научного духа» эпистемолог называет их своим «музеем ужасов»¹³. Безусловно, не все авторы такие, как Ламарк или мадам дю Шатле. Башляр это признает и делает оговорку: «Если бы нас обвинили, что мы излишне ссылаемся на не вызывающих доверия авторов и забываем достойных, мы бы ответили, что достойные авторы не обязательно те, которые успешны, и поскольку нам предстоит изучать, как научный дух зарождается в свободной и квазианархической форме — во всяком случае, взятой не из школьных учебников — как это было в XVIII в., мы должны рассмотреть всякую ложную науку, которая уничтожает истинную»¹⁴. Впрочем, он не уверен, что Ламарка и мадам дю Шатле следует поместить среди достойных авторов. Но он уже не уверен, что их следует поместить среди плохих, и это интересно.

Некоторые авторы могут выглядеть нелепо вследствие применения метода, который проповедует Башляр: «Итак, эпистемолог должен произвести выборку документов, собранных историком. О них следует судить с точки зрения разума, и даже с точки зрения эволюционировавшего разума, поскольку только в наши дни мы можем полностью оценивать ошибки духовного прошлого»¹⁵. Но нелепость не является неотъемлемой характеристикой ни этих авторов, ни их текстов, она проистекает из точки зрения, которую мы должны принять, по мнению Башляра, чтобы их оценивать. Термин «ошибки» по отношению к ним, несомненно, не подходит (по крайней мере, нужно еще раз уточнить, что речь идет только об ошибках с ретроспективной точки зрения, которую башлярский метод нам предлагает для их оценки), поскольку «кризисы прирастания мысли предполагают тотальную перестройку системы знания. Поэтому хорошо организованная голова должна реорганизоваться»¹⁶. Не существует, как утверждалось в немного сокращенной первой цитате, какого-либо уникального разрыва между обыденным познанием и познанием научным, а

имеются многочисленные разрывы, т.е. разрывы внутри самого научного познания: «...в ходе прогресса научного духа постоянно проявляется разрыв между обыденным сознанием и научным познанием, особенно это относится к современному познанию»¹⁷. Следовательно, науку характеризует не столько ее разрыв со здравым смыслом, сколько ее способность порывать в том числе со своим прошлым, с самой собой, с когерентной мыслью, которая определила ее прогресс, но которая стала для нее препятствием. Можно ли утверждать, что Башляр говорит здесь только о «развитой науке», о «науке, которая несет печать современности», о том, что он сам называет *новым научным духом*? Разумеется, но при условии уточнения, что самым новым в этом новом научном духе является осознание необходимости разрывов, которые всегда имели место в развитии науки: «Континуалисты любят рассуждать о происхождении явлений. Прогресс науки идет очень медленно, и чем он медленнее, тем более непрерывным он кажется»¹⁸.

Поскольку при непрерывном движении по отношению к пройденному времени расстоянию скорость одинакова, сказать, что научный прогресс, в реальности дисконтинуальный (поскольку он только кажется непрерывным), идет медленно, значит высказать две (противоречивые) идеи: с одной стороны, что разрывы незначительны (теоретическое расстояние, пройденное, пока разрыв невелик), с другой стороны, что они удалены друг от друга (время, отделяющее одно теоретическое достижение от другого весьма важно). И эти две идеи, безусловно, представлены у Башляра. Первая, разумеется, более всего способна создать видимость континуальности, конечно же не для современников прежних разрывов (представим градуированную шкалу знаний: для того, кто внезапно переходит с уровня 1 на уровень 2, скачок значителен, поскольку уровень 2 в два раза выше), но для нас, которые смотрят на них сейчас с высоты, достигнутой продвижением от разрыва к разрыву, например, с уровня 1000, продвижение с уровня 1 на уровень 2 едва различимо, и поэтому мы не ощущаем никакой дисконтинуальности. Но вторая идея также сыграла свою роль в истории науки и мысли: в удалении от всякого разрыва, или усматривая реально только один разрыв в прошлом и не имея основания угадывать его в будущем, люди науки не могли осознать, что разрывы происходят в самой науке, они подменили безусловную множественность разрывов единичностью одного разрыва, который отделяет их знание от предыдущего тотального незнания. Таким образом, в них смогла развиться *«профессорская душа*, гордая своим догматизмом, неподвижная в своей первично заданной абстракции, всю жизнь опирающаяся на школьные успехи юности, постоянно твердящая о своем знании, навязывающая свои доказательства, исключительно в интересах дедукции, такой удобной подпорки авторитета, обучающая прислугу, как Декарт, или уходящая корнями в буржуазию, как преподаватель университета»¹⁹.

Как видно, Башляр высмеивает догматизм, и было бы несправедливо называть его догматиком: догматик — это тот, кто уверен в истинности того, что он изучил и что он развивает, тот, кто верит, как Альтюссер, что некий автор когда-то осуществил эпистемологический разрыв и что в настоящее время мы пребываем в науке, в достоверности, при условии правильного прочтения: поскольку сам автор не обязательно сознавал все значение этого разрыва. В противоположность Альтюссеру Башляр знает, что нет теории, истинность которой была бы окончательно определена, и его высокомерие — по этой причине, можно сказать — является следствием именно его скромности: он в сущности насмеяется над теми, кто полагает, что, поскольку их теории верны, или почти верны, им не надо отречься от них, чтобы продвигать вперед свою науку, кто полагает, что их хорошо организованную голову нет необходимости реорганизовывать.

Здесь читатель Куна мог бы запротестовать: если какая-либо верная теория заменяется какой-либо другой верной теорией, не являются ли эти теории несопоставимыми? Как в таком случае можно говорить о прогрессе, как можно говорить, что существующая в настоящее время форма науки — более развитая, чем ее предшествующая форма? Для Башляра прогресс измеряется с помощью двух индикаторов: сложности, с одной стороны, и абстрактности — с другой. Я остановлюсь немного на первом, поскольку он сам на этом настаивает, сознавая, что идет наперекор если не здравому смыслу («Эти уравнения слишком сложны для меня», — говорит масса людей, не имеющих отношения к науке), то, по крайней мере, преобладающему среди ученых мнению («Наши уравнения намного проще, чем мир, населенный непредсказуемыми богами древних», — невольно думают они). Более подробно я остановлюсь на втором, на абстракции, которая, как мне представляется, вызывает больше трудности.

То, что прогресс науки представляет собой прогресс в абстракции ясно показано в начале «Формирования научного духа»: «Почему бы нам не принять абстракцию как нормальный и плодотворный ход развития научного духа... Нам следует доказать, что абстракция высвобождает дух, облегчает его, придает ему динамику»²⁰. Вот почему, даже если речь идет только о «грубых ярлыках»²¹, три состояния научного духа представляют собой переход от конкретного к абстрактному (через промежуточное конкретно-абстрактное состояние); вот почему в трех состояниях души этого духа догматическая профессорская душа, рассматривается как «первичная абстракция», тогда как высшая душа «страдает тягой к абстрактному, к выделению квинтэссенции», «уверенная, что абстракция — это научный долг, знание, наконец-то очищенное от мысли о мире!»²² Таким образом, множество эпистемологических препятствий, на которые ссылается Башляр, может сводиться к преувеличенной важности, придаваемой конкретному, идет ли речь

о первом препятствии, каким является начальный опыт, об известном примере вербального препятствия, каким является губка, придающая сложным феноменам ложную простоту обыденности, о субстанциалистском препятствии, которое нагружает материальностью изучаемые теоретические объекты, или анимистском препятствии, которое обременяет их плотью и кровью.

Между тем такой способ измерения научного прогресса с помощью абстракции создает проблему, так как абстрагировать, как известно, этимологически означает отвлекать, выделять. Не рискуем ли мы, переходя от абстракции к абстракции, дойти до такой ситуации, когда больше нечего будет выделять и когда, следовательно, научный прогресс должен будет остановиться? Это вернуло бы нас к предыдущему этапу, этапу догматической уверенности. Такой конец чужд мысли Башляра: «Всякое научное знание должно в каждый момент перестраиваться»²³. Это – утверждение общего характера о том, что есть истинная наука, а не зависящая от обстоятельств констатация какого-либо одного момента ее истории. Как тогда примирить эту идею прогресса без конца и идею о том, что прогресс осуществляется посредством абстракции? На это есть несколько возможных ответов. Начнем с наименее убедительного: не труднее объяснить, что кто-то может, непрестанно продвигаясь вперед, так и не уйти далеко и что тот, кто проходит сначала определенное расстояние, затем половину начальной дистанции, затем четверть начальной дистанции, и так до бесконечности, никогда не пройдет двойное расстояние по отношению к первоначальному. Но для этого необходимо, как утверждает, чтобы последующие шаги были все мельче и мельче, и также они должны занимать все более короткие промежутки времени. Но не таковы эпистемологические разрывы Башляра: для нового научного духа, для науки, которая в XX в. осознала саму себя, разрывы, как минимум, одинаково важны (даже наблюдается привнесенная энтузиазмом эпистемолога тенденция утверждать, что они имеют все более и более глубокий характер, но при внимательном прочтении понимаешь, что он не утверждает ничего подобного), и их ритм не замедляется. Напротив, он ускоряется: «Разум множит свои возражения, он разъединяет и заново объединяет фундаментальные понятия, он опробует самые смелые абстракции. Идеи, одной из которых было бы достаточно, чтобы прославить целое столетие, появляются теперь каждые 25 лет, что говорит об удивительной духовной зрелости. Таковы квантовая механика, волновая механика Луи де Бройля, матричная механика Гейзенберга, механика Дирака, абстрактные механики и, несомненно, абстрактные физические теории, которые упорядочивают все возможности опыта»²⁴.

Первый, малоубедительный, ответ опирался на математическую аргументацию. Другой математический аргумент возможно покажется более удовлетворительным: начиная с XIX в. математическая бесконеч-

ность характеризуется тем свойством, что (если его изложить нетехническим образом) из нее можно извлекать элементы, и она тем не менее всегда остается равной самой себе (в технических терминах: множество бесконечно, если и только если оно может быть поставлено во взаимно однозначное соответствие одной из своих правильных частей). Таким образом, если полагать, что все изначальное многообразие реального бесконечно, можно абстрагировать хоть вечно и никогда не исчерпать этого многообразия. Между тем, у Башляра я не нахожу ничего, что позволило бы приписать ему этот аргумент, но также и ничего, что позволило бы мне утверждать, что он не сообразуется с его идеями. Разумеется, он желает «заронить в сознание читателя сомнение относительно расхожей идеи о неисчерпаемой и иррациональной природе реальности»²⁵. Было бы неправомерно сделать из этого вывод, что он не считает реальность неисчерпаемой: это сослужило бы плохую службу термину «иррациональность», наиболее важному для его цели.

Однако Башляр предоставляет нам другое основание полагать, что научное абстрагирование как процесс никогда не будет иметь конца: оно сопровождается движением в обратном направлении или, скорее, в двух направлениях, одно из них наш автор считает несомненно благоприятным, а другое – губительным. Наука развивается посредством абстракции, говорит Башляр, абстрагируя, она конструирует: «применение (l'application) научной мысли видится нам по существу как реализация»²⁶, где «реализацию» следует понимать в строгом смысле: «делать реальным», «прибавлять реальности». Это не бесосновательное заявление: оно подкрепляется изучением современных достижений в химии (дисциплине, о которой Башляр пишет: «...философское преимущество научной деятельности в смысле углубления рационализма заключается в ее продуктивности, в том, что научная деятельность является материалистически новаторской, определяя создание новых материалов»²⁷, а также в физике («Траектории, которые позволяют разделить изотопы в масс-спектрографе, в природе не существуют; их нужно произвести технически»²⁸). В итоге реальность, данную в своей изначальности и не подвергшуюся анализу, наука заменяет на сконструированную реальность, которая в силу этого еще больше побуждает нас к размышлению: это благоприятный ход событий.

Но есть еще и неблагоприятный. Прогресс, который сделал возможной абстракцию, никогда не бывает завершенным, следовательно, он никогда не бывает окончательным: «Даже у нового человека всегда остается что-то от старого. В нас продолжает скрытую жизнь XVIII век; он может – увы – появиться вновь»²⁹ (а XVIII век – это век «донаучного состояния»³⁰, «детской или светской души»³¹, «конкретного состояния» – даже если Башляр говорит о необходимости быть «вне всякой исторической связи»³², поскольку прошлое действительно всегда возвращается). Абстрактное в конце концов теряет свой абстрактный характер, и ему

остается наихудшее — т.е. конкретное: «Знание, приобретенное посредством научного усилия, может прийти к своему концу. Абстрактный и прямой вопрос исчерпывает себя: остается конкретный ответ»³³. Ученые увязают в рутине. Тогда новый эпистемологический разрыв становится неизбежным. Именно здесь возможно сравнение с Замятиным.

Разумеется, Замятин, не говорит об эпистемологическом разрыве. Он использует другие термины: он воспевает революции — безусловно, они несут смерть, но насильственная смерть устаревшего необходима, чтобы могло возникнуть новое: «Багров, огнен, смертелен закон революции, но это смерть — для зачатия новой жизни, звезды... И чтобы снова зажечь молодостью планету — нужно зажечь ее, нужно столкнуть ее с плавного пути эволюции»³⁴. Связь между идеей революции и идеей разрыва, достаточно очевидная сама по себе, подкрепляется образами, которые он использует для иллюстрации того, что есть революция: «Две мертвых, темных звезды сталкиваются с неслышным, оглушительным грохотом и зажигают новую звезду: это революция. Молекула срывается с своей орбиты и, вторгшись в соседнюю атомическую вселенную, рождает новый химический элемент: это революция. Лобачевский одной книгой раскалывает стены тысячелетнего эвклидова мира, чтобы открыть путь в бесчисленные неэвклидовы пространства: это революция»³⁵. И еще: «Никакая революция, никакая ересь — не уютны и не легки. Потому что это — скачок, это — разрыв плавной эволюционной кривой»³⁶. Революция, разрыв составляют прогресс по отношению к предшествующему состоянию, они позволяют нам расти, это особенно очевидно в случае неэвклидовых геометрий, которые открывают путь в бесчисленные пространства: «Пересечение параллельных линий — абсурд. Но это абсурд только в канонической плоской геометрии Эвклида: в геометрии неэвклидовой — это аксиома. Нужно только перестать быть плоским, подняться над плоскостью»³⁷. Увы, этот прогресс непродолжителен, за ним следует возвращение к конкретному, к инертности обыденной материальности: «Пламя из багрового становится розовым, ровным, теплым, не смертельным, а комфортабельным; солнце стареет в планету, удобную для шоссе, магазинов, постелей, проституток, тюрем: это закон... Вместо трагического Галилеева «А все-таки она вертится!» — спокойные вычисления в теплом пулковском кабинете. На Галилеях эпигоны медленно, полипно, кораллово строят свое: путь эволюции. Пока новая ересь не взорвет кору догмы»³⁸. Пулковский кабинет здесь видится как продукт галилеевой революции. Сначала это проект, абстрактная идея, потом она формируется, и первые обсерватории еще представляют собой авантюры; но скоро они становятся нормой, банальными сооружениями, населенными бюрократами, которые сами не знают, чего хотят. И тогда они больше не привносят ничего нового, кроме подтверждений уже найденного, и как следствие, ничего, что могло бы стимулировать

мысль. Поэтому приходит время порвать со старой истиной, которая, сначала позволив упорно продвигаться вперед, затем начинает тормозить процесс, не имеющий конца: «А мы — пока знаем, что нет последнего числа. Может быть, забудем. Нет: даже навверное — забудем, когда состаримся, как неминуемо старится все»³⁹, говорит I-330, героиня романа «Мы», цели которой зачастую имеют удивительное сходство с целями эссеиста Замятина.

Это не единственное сходство, которое можно найти между Замятиным и Башляром. Как я уже указывал, для Башляра нарастание сложности является признаком прогресса. И для Замятина тоже: «Привычное, банальное, — конечно, проще, приятней, уютней. Очень прост эвклидов мир и очень труден Эйнштейнов»⁴⁰. Я также уже указывал на диалектический аспект идей Башляра, который говорит о своей «потребности в фундаментальных диалектизированных понятиях»⁴¹, даже если он воздерживается от пространных рассуждений о диалектике: «Диалектика здесь не что иное, как окаймление рациональной организации знания очень точной сюррациональной организацией. Она служит нам лишь для превращения одной системы в другую»⁴². Он, разумеется, дистанцируется от Гегеля или от своего прочтения Гегеля: «И тем более философское отрицание не имеет ничего общего с априорной диалектикой. В частности, оно не может развиваться в духе гегелевской диалектики»⁴³. Мы все же не устоим перед искушением вновь обратиться к Замятину, чтобы найти общие диалектические идеи: «Большак русской литературы, до лоску наезженный гигантскими обозами Толстого, Горького и Чехова, — реализм, быт: следовательно, уйти от быта. Рельсы, до святости канонизированные Блоком, Сологубом, Белым — отрешившись от быта символизм: следовательно — уйти к быту»⁴⁴. Отрицание, и отрицание отрицания, которое, тем не менее, не является возвратом к первоначальному утверждению: «Для сегодняшней литературы плоскость быта — то же, что земля для аэроплана: только путь для разбега — чтобы потом вверх — от быта к бытию, к философии, к фантастике. По большакам, по шоссе — пусть скрипят вчерашние телеги»⁴⁵. Именно против консервации старого в новом он и выступает. «Обобщение путем отрицания должно включать то, что отрицается»⁴⁶.

Как видно, вместе с Замятиным мы покидаем область философии наук и вступаем в более широкую сферу. Башляр также осуществляет это движение к философии наук, поскольку в результате своих рассуждений о науке он приходит к выводу, что ее необходимо сделать новым центром философской мысли, которая от этого только выиграет: «Рано или поздно именно научная мысль станет основной темой философской дискуссии и приведет к замене дискурсивных метафизик интуитивными и непосредственно наглядными»⁴⁷. Но Замятин побуждает нас идти дальше, поскольку он сам исходит не из философии наук, он рассматривает науку как пример более

широкого, универсального процесса: «Революция — всюду, во всем; она бесконечна, последней революции — нет, нет последнего числа. Революция социальная — только одно из бесчисленных чисел: закон революции не социальный, а неизмеримо больше — космический, универсальный закон»⁴⁸. Разрыв в непрерывности для Башляра — интеллектуальная необходимость. Для Замятина жизненная необходимость — непрерывная революция.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Его формулировка известна: в работе «Литература и революция» он называет Замятина «флегматиком и снобом» (см.: глава II. Литературные «попутчики» революции, Мужиковствующие (русск. текст цит. по: Электронная библиотека RoyalLib.Com, 2010–2016, по изд. 1923 г. С. 16)).

² См.: *Althusser L. Du “Capital” à la philosophie de Marx // Lire le Capital. 17.* — Paris: Maspero, 1968. P. 72.

³ За более обстоятельным и серьезным анализом догматизма Альтюссера можно обратиться к блестящей работе Жака Рансьера «Урок Альтюссера» (см.: *Rancière J. La leçon d’Althusser.* — Paris: Gallimard, 1974).

⁴ *Althusser L. Du “Capital” à la philosophie de Marx.* P. 72.

⁵ *Ibid.* 12. P. 53.

⁶ *Башляр Г. Рациональный материализм. Заключение. Познание обыденное и познание научное // Башляр Г. Избранное: Научный рационализм.* — М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 369.

⁷ Там же.

⁸ *Bachelard G. La formation de l’esprit scientifique. Discours préliminaire.* — Paris: Vrin, 2004. P. 13.

⁹ *Ibid.* Chapitre I. I. P. 16.

¹⁰ Сегодня, когда псевдонаучный псевдомарксизм утратил всякое доверие, его сменил мало отличающийся по сути такой же дискурс неолиберальных экономистов: будучи наивными или идеологически вовлеченными, мы усматриваем упадок наших условий жизни в росте насилия, систематическом разрушении того, что мы называем социальными достижениями, в распространении новых видов аллергии и болезней, и мы полагаем, что об этом упадке наших условий жизни свидетельствуют объективные индикаторы: все возрастающее применение антидепрессантов, всевозможных новых лекарств от новых патологических состояний, применение устройств дистанционного наблюдения в целях защиты... Но наука неолиберальных экономистов нам отвечает, что это всего лишь психозы и ерунда, что даже если мы и не осознаем этого, все мы становимся все более и более счастливыми, поскольку мы вольны покупать — если у нас есть на это средства — все больше антидепрессантов, все больше лекарств, все больше устройств дистанционного наблюдения...

¹¹ *Башляр Г. Рациональный материализм. Заключение. Познание обыденное и познание научное. III.* С. 378.

- ¹² *Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. Chapitre II. Le premier obstacle: l'expérience première. II. P. 40.
- ¹³ *Bachelard G.* Chapitre I. La notion d'obstacle épistémologique. III. P. 24.
- ¹⁴ *Ibid.* Chapitre II. Le premier obstacle: l'expérience première. I. P. 33–34.
- ¹⁵ *Ibid.* Chapitre I. La notion d'obstacle épistémologique. II. P. 19.
- ¹⁶ *Ibid.* Chapitre I. La notion d'obstacle épistémologique. I. P. 18.
- ¹⁷ *Башляр Г.* Рациональный материализм. Заключение. С. 369.
- ¹⁸ Там же. С. 371.
- ¹⁹ *Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. P. 12.
- ²⁰ *Ibid.* P. 8.
- ²¹ *Ibid.* P. 11.
- ²² *Ibid.* P. 12.
- ²³ *Ibid.* P. 10.
- ²⁴ *Ibid.* P. 9.
- ²⁵ *Башляр Г.* Философия отрицания. Предисловие II // *Башляр Г.* Новый рационализм / пер. с франц. Ю. Сенокосова, М. Туровера; предисл. и общ. ред. А.Ф. Зотова. – Москва: Прогресс, 1987. – URL: <http://filosof/historic.ru> (Электронная библиотека по философии).
- ²⁶ См.: *Башляр Г.* Новый научный дух. Введение. Принципиальная сложность научной философии. I // *Башляр Г.* Новый рационализм.
- ²⁷ *Башляр Г.* Рациональный материализм. Заключение. I. С. 370.
- ²⁸ *Башляр Г.* Прикладной рационализм. Глава VI. Обыденное познание и научное познание // *Башляр Г.* Избранное: Научный рационализм. I. С. 98.
- ²⁹ *Bachelard G.* La formation de l'esprit scientifique. p. 10.
- ³⁰ *Ibid.* P. 9.
- ³¹ *Ibid.* P. 12.
- ³² *Ibid.* P. 11.
- ³³ *Ibid.* P. 16–17.
- ³⁴ *Замятин Е.И.* О литературе, революции, энтропии и прочем // *Замятин Е.* Соч. – М.: Книга, 1988. § 2 (цит. по: Lib.ru/Классика).
- ³⁵ Там же. § 1.
- ³⁶ Там же. § 11.
- ³⁷ Там же. § 10.
- ³⁸ Там же. § 2, 3.
- ³⁹ *Замятин Е.И.* Мы. Запись 30 (цит. по: Lib.ru/Классика: Евгений Замятин «Мы»).
- ⁴⁰ См.: *Zamyatin: A Soviet Heretic.* – L.: Bowes & Bowes, 1999. § 11.
- ⁴¹ *Башляр Г.* Философия отрицания. Глава 6. Синтезирующее значение «философского отрицания». I.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Zamyatin: A Soviet Heretic.* § 10.
- ⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ Башляр Г. Философия отрицания. Глава 6. Синтезирующее значение «философского отрицания». I.

⁴⁷ Башляр Г. Новый научный дух. Введение. Принципиальная сложность научной философии. I.

⁴⁸ Zamyatin: A Soviet Heretic. § 1.

Аннотация

В статье рассматриваются догматические и критические взгляды французского философа Гастона Башляра на философию науки, в частности, его центральная идея о прерывистом развитии науки, об эпистемологических разрывах между научным познанием и обыденным сознанием, о необходимости преодолевать препятствия в ходе прогресса научного духа. Автор спорит с интерпретацией философии Башляра как догматического эпистемолога и представляет его критическое осмысление научного прогресса. Проводится сравнение между его взглядами и идеями русского мыслителя XX столетия Евгением Замятиным о бесконечной революции.

Ключевые слова: философия, эпистемология, догматизм, наука, познание, непрерывность, разрыв, научный дух.

Summary

The article deals with dogmatic and critical views of the French philosopher Gaston Bachelard on the philosophy of science, in particular, his central idea about a discontinuous progress of sciences, epistemological breaks between scientific and ordinary knowledge, the necessity to overcome obstacles in the course of the development of the scientific spirit. The author argues against an interpretation of Bachelard's thought as a dogmatic epistemologist and presents his critical comprehension of scientific progress. His views are compared with the idea of a Russian thinker of the 20th century Yevgeny Zamyatin about the eternal revolution.

Keywords: philosophy, epistemology, dogmatism, science, knowledge, discontinuity, break, scientific spirit.

Перевод с французского Е.Г. Рудневой